

СИНКРЕТИЗМ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ И УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ (К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ ЯЗЫКОВ РАЗНЫХ ТИПОВ)

PARTS OF SPEECH SYNCRETISM IN RUSSIAN AND URALIC (THE PROBLEM OF THE COMPOSITION OF BILINGUAL DICTIONARIES FOR INFLECTIONAL AND AGGLUTINATIVE LANGUAGES)

Кузнецова А.И. (aikuznec@yandex.ru)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В языках флективных (как русский) и агглютинативных (как уральские языки) существуют разные способы подачи синкретичных частей речи в толковых словарях. Специфика и трудности составления двуязычных словарей тесно связаны со способностью синкретичных слов функционировать в предложении в качестве различных его членов.

Термин *синкретизм*, вынесенный в заглавие, напоминает хамелеона (< греч. χῆμαι λέων ‘на земле + лев, львиная шкура’): подобно представителю отряда небольших древесных ящериц (из семейства пресмыкающихся), быстро меняющих окраску своей кожи, та или иная часть речи может выполнять функцию другой (а иногда сразу нескольких) частей речи. Переход слова в другую часть речи сопровождается, с одной стороны, изменениями в парадигме слова. Напр., в современном языке существительные утратили древние формы звательного падежа (*Господи! Боже мой!*) при переходе единичных форм в разряд междометий. Точно так же у глаголов исчезли формы аориста и некоторых других прошедших времен, а сохранившиеся формы превратились в частицы (*бы*)¹ и т.д. С другой стороны, эти изменения обычно бывают связаны со значительными изменениями в самом функционировании слова, при котором слово начинает выполнять нередко новые синтаксические функции. Иными словами, одна и та же синтаксическая функция осуществляется разными частями речи². Так, существительное наряду с выполняемой им функцией подлежащего или дополнения начинает функционировать как сказуемое (предикат) или как обстоятельство и т.п. Едва ли не самым активным в этом процессе является в русском языке местоимение – оно встречается в функции определения, дополнения, подлежащего, предиката, обстоятельства; глагол также не ограничивается своей основной функцией сказуемого (предиката), а может быть и подлежащим и т.д. Это явление перехода одной части речи в другую и выполнение ею разных функций было давно отмечено исследователями русского языка, причем все попытки теоретического осмысления этого факта породили великое множество терминов. Наряду с термином *синкретизм* для передачи тех явлений, о которых пойдет речь, употребляются термины *контаминация*, *промежуточные факты*, *конверсия*, *кумуляция*, *частеречная омонимия*, *гибридность* и др. В 1960-1970-е гг. много говорилось также о центральных и периферийных единицах в языке, с которыми связаны перечисленные выше термины. Акад. В.В. Виноградов, пользуясь термином *гибридность*, *гибридный*, *гибридизация*, писал о совмещении в одной единице свойств различных структурно-семантических классов, о «грамматическом перерождении» одной части речи в другую [2, с.418]. Встречаются и другие термины для анализируемого явления, но, как справедливо замечал А. Мартине, «важно не ставить на явлениях определенные этикетки, а наблюдать и объяснять процесс» [3, с.35].

Именно такую попытку в свое время предпринял А.Я.Баудер [4, с.85ff.], который показал (следуя работам В.В. Бабайцевой [5], [6], В.В. Виноградова и др.) суть происходящих при гибридации процессов на конкретных примерах существительных и прилагательных, продемонстрировав процесс преобразования

¹ Нередко после «перехода» какой-либо формы (или нескольких форм) слова в другую часть речи оставшаяся парадигма превращается в неполную, а ее члены идентифицируются как фразеологические единицы, напр., *вверх тормашки* и *вверх тормашками* (при исчезновении форм *тормашка* / *тормашки*). Слово *тормашка* у Даля объясняется как отглагольное существительное (от глагола *тормозить*: *(вверх) тормашки полетел* означает ‘перекувыром, через голову, вверх ногами. Полетел от Машки *вверх-тормашки!*’ [1]). Этимология слова неясна (Ср. польск. *tarmosić*). Ср. также: *на закорки* / *на закорках*, *на карачках* / *на карачки* и др. при наличии в говорах формы *карач* ‘колени’ и т.д.

² В данной работе не рассматриваются оморфны, при появлении которых происходит совпадение слов разных частей речи обычно в какой-либо одной единственной форме (редко в двух); напр., слова *пил*, *пила* или *дул*, *дула* – это глаголы прош. времени и сущ. в Gen.Pl и Nom.Sg или Gen.Sg; *сев* (Nom.Sg сущ. и деепр.).

Синкретизм частей речи в русском и уральских языках

прилагательных в существительные как двусторонний процесс. Это процесс взаимодействия двух классов: с одной стороны, прилагательное утрачивает исходный признак прилагательного; с другой, слово, не утратив своего признака, приобретает свойства класса существительного. В какой-то момент количество сосуществующих признаков может колебаться, появляются омонимы («периферийные и ядерные субстантиваты», по терминологии автора). Периферийные субстантиваты способны сочетаться с существительными и одновременно могут функционировать без существительных (напр.: *штатский человек* и *штатский*, *снотворное лекарство* и *снотворное* и др.). Ядерные же субстантиваты всегда употребляются без существительных: *лесничий*, *вожатый*, *набережная*, *существительное*, *прилагательное* и др. (Последнее слово не случайно обыгрывается у Д.И.Фонвизина). В результате по характеру совмещенных признаков А.Я. Баудер выделяет ступени (которые могут быть оспорены), демонстрирующие постепенный переход слов от прилагательных к существительным.

Ядерные прилагательные (по А.Я. Баудеру) проходят три стадии, прежде чем достигнут стадии ядерных существительных (при этом некоторые до третьей стадии так и не доходят). Данный переход прилагательного в разряд существительных можно схематически изобразить следующим образом:

А (ядерные прилагательные) → **Аб** (оказиональные субстантиваты, которые семантически не закреплены и структурно не оформлены: *главный врач* (или *бухгалтер*, *инженер*, *научный сотрудник*) → **АБ** (синкретичные субстантиваты, которые семантически закреплены, но структурно не оформлены: *любимый*, *милая*, *усатый*, *лысый*, *косой*, *хромой*, *рабочий*) → **аБ** (периферийные субстантиваты закреплены семантически и структурно оформлены: *штатский* или *военный (человек)*; *сердечное*, *слабительное*, *противогриппозное (лекарство)*; *докладная*, *объяснительная (бумага)*; *скорый*, *почтовый*, *пассажирский (поезд)* → **Б ядерные субстантиваты** (*Киев*, *Соловьев*; *тепло*, *добро*; *портной*; *вселенная*; *мостовая*; *существительное*; *пирожное*, *жаркое*; *животное*, *сохатый* [4, с.95]. Промежуточные стадии могут быть иными, но суть самого процесса остается: прилагательные в современном русском языке переходят в другую часть речи и начинают выполнять новые функции. В ССРЛЯ [7] примеры типа **АБ** и **аБ** даются с пометой «в знач. сущ.».

Переходы одной части речи в другую наблюдаются в русском языке с древних времен и известны не только между существительными и прилагательными, но и среди многих знаменательных и служебных частей речи. Так, древнерусские глагольные формы переходили в частицы (*бы*, *де*), в междометия (*чу!*); именные – в междометия (*Господи! Исполать!*³ / *исполати!*), в наречия (*дóма*, *внизу*) и т.п. В ходе истории эти процессы иногда ограничиваются одним переходом, а порою могут быть продолжены: так, глагольная форма переходит в междометие, а позднее междометие может превратиться в какую-то иную часть речи, напр., во вводное слово (именно так возникло просторечное слово *чу*). В древнерусском языке формы местоименных (полных) и кратких прилагательных могли постепенно переходить в разряд существительных; последние в современном языке этот статус в одних случаях утратили при сохранении статуса прилагательных, в других сохранили его. В ССРЛЯ приводятся современные слова *погребной* ‘относящийся к погребу; свойственный погребу (напр., погребная сырость)’ и *подвальный* ‘относящийся к подвалу; свойственный подвалу’. Первое из этих слов в древности имело также значение ‘тюремный’ (отмеченное в СРЯ XI-XVII в. [8] и у И.И. Срезневского, правда, в форме *погребьный*) и значение ‘тот, кто ведает погребями’, выступая в этом случае в функции существительного. Второе слово (*подвальный*) в приведенном выше значении в СРЯ XI-XVII вв. (при наличии слова *подваль*) отсутствует вообще⁴. В современном русском языке *погребной*, сохранив свое первичное значение, утратил значение ‘тюремный’. Слово же *подвальный* помимо указанного первичного значения приобрело в современном языке значение ‘рабочий, занимающийся упаковкой и хранением вин’ (перейдя при этом в класс существительных) и значение ‘размещенный в подвале газеты: *подвальная* статья (спец.)’. В СРЯ XI-XVII вв. дается большое количество синкретичных слов, подобных приведенным выше и с пометой, в значении какой части речи слово употреблено. Среди них преобладают слова, имеющие форму и значение прилагательных и вместе с тем означающие разного рода налоги, подати, пошлины, поборы, платы, будучи используемы в качестве существительных: *ловчее* (род налога⁵), *поголовный,-ая,-ое*; *подворный,-ое* и *подворенный,-ое*, *подлазное*, *подушный*, *полозовый*, *угловой*. Среди слов, функционирующих двояко (как существительное и прилагательное), немало слов имеет значение ‘человек, живущий, находящийся где-то’, напр., *подводский*, *подземный*, *подморский*. Нередки также прилагательные, означающие человека по роду занятий (*ловчий* ‘охотник, рыболов’ и ‘приученный к охоте на кого-л.’. К тем же двум частям речи относятся слова *охочий*, *пѣвчий*; *писчий*,

³ Данное слово, как правило, уже не известно молодым, в ССРЛЯ зафиксировано с пометой устар. в значении ‘Хвала, слава (в обращении как выражение одобрения, восхищения)’. Там же приводятся примеры из И.А.Крылова и А.К.Толстого.

⁴ Слово *подвальный*, данное в СРЯ XI-XVII вв., образовано от существительного *подвалье*, означающего ‘подводная пещера и глубокое озеро карстового образования (как рыболовное угодье)’; пример XVII в. [8].

⁵ В СРЯ XI-XVII вв. примеры на употребление прилагательного *ловчее* (ср.р.) в качестве существительного приводятся, начиная с XIII в.

подвойский, подвластный и т.п.). Встречаются примеры и на совпадение в одной форме не только прилагательных и существительных, но и существительных и наречий, наречий и предлогов и т.д. Синкретичными могут быть междометия и наречия, как слово *исполать* (из греч. Ἐἰς πολλὰ ἔτη ‘на многие лета’ (междометие), а во фразе *исполати сии образъ написанъ* слово *исполати* – наречие со значением ‘навечно’).

Следует обратить внимание на то, что большинство из только что приведенных и давно исчезнувших из современного литературного и разговорного языка слов широко употребляются в современных лингвистических и исторических работах. (См., напр., историческое исследование о жизни Разрядного приказа в 1676/77 г. О.В. Новохатко [9, с.622-637]). Примеры, приводимые в работах такого рода, свидетельствуют о том, что синхрония «в чистом виде» – иллюзия: каждый синхронный срез имеет в своей структуре элементы и прошедших, и будущих систем. Как писал в свое время Ю.Н. Тынянов, «система не есть равноправное взаимодействие всех элементов, а предполагает выдвинутость группы элементов (‘доминанта’) и деформацию остальных» [10, с.277]. Данное высказывание касается не только литературных произведений (которые имел в виду Ю.Н. Тынянов), но и разных языковых страт (пластов) в современном русском языке.

До сих пор речь шла о синкретичных частях речи (по преимуществу, об именах) в русском языке. При этом частеречный синкретизм наблюдается не только в пределах знаменательных частей речи, но и между знаменательными и служебными словами. Возможность употребления слова в качестве другой части речи означает, что обычно слово начинает функционировать как другой член предложения. Части речи, по терминологии Э. Сэпира, являются основными понятиями в отличие от членов предложения, которые он переименовал в «чисто реляционные понятия». Не исключено, что зависимость может быть обратной: слово употребляется как другой член предложения и благодаря этому у него появляется омоним – другая часть речи. Судя по толковым словарям (напр., [7]), датирующим приводимые примеры, второй вариант имеет больше сторонников, т.е. функция того или иного слова важнее, чем факт отнесения его к той или иной части речи. Развитие членов предложения (особенно второстепенных) переплетается с изменениями в функционировании частей речи. Оба процесса тесно взаимосвязаны. По словам Е.И. Янович, «трудно говорить о том, как формировались средства выражения каждого второстепенного члена предложения в отдельности. Этим и вызывается необходимость рассмотреть вначале исторические изменения в области приименных второстепенных членов, выяснив основные тенденции в развитии определения и отчасти дополнения, а затем рассмотреть средства выражения прилагательных второстепенных членов, заметив основные линии развития дополнения и обстоятельства» [11, с.254]. Точно так же есть ограничения, связанные с глаголом, который может выполнять функцию далеко не всех членов предложения. Тем не менее, отдельные глагольные формы (напр., у глагола *знать*) уже давно перешли в разряд служебных слов и в качестве таковых встречаются в функции вводного слова (*знать* ‘видимо, вероятно’: «*Знашь, забил сердечко тревогу...*»). Формы от глагола *пустить* превратились в союз и во вводное слово с несколькими значениями (*пустить*); форма повелительного наклонения глагола *быть* может функционировать как частица («*Да будь я и негром преклонных годов...*»). Наречие *просто* может употребляться также как частица (усилительная и ограничительная) и т.д.

Появление синкретичных частеречных форм в русском языке – процесс длительный, начавшийся в древнерусском языке и продолжающийся и в настоящее время. Анализ описанного явления в современном языке позволяет проследить постепенность перехода слов из одной части речи в другую, установить наличие в языке переходных форм, что значительно труднее делать по текстам прошлых веков. Характерной чертой частеречного синкретизма в русском языке является, с одной стороны, лишь частичное пересечение слов разных частей речи в одной или нескольких формах и расхождение в большинстве других. Исключения представляют синкретичные формы существительных и прилагательных, падежные формы которых совпадают (иногда в пределах одного числа), но синтаксические функции их различны. Однако синкретизм существительного с другими частями речи (напр., с наречием) обычно наблюдается в одной или нескольких формах, причем часто в аналитических формах с предлогами / префиксами (напр., Род.п. существительного *дома* (возле *дома*) и наречие *дома* (*его нет дома*); *на встречу в школу пришли все выпускники, но иду навстречу ему*; *в самый низ* (чего-то) и *он смотрит вниз*).

Явление частеречного⁶ синкретизма, встречающееся в русском языке, широко распространено и в ряде финно-угорских языков, но выглядит оно обычно иначе, чем в русском языке, что связано с разницей грамматического строя (русский – флективный язык, а уральские языки – агглютинативные). В частности, это зависит от разницы в типах предложений: SVO – обычная структура русского предложения, а SOV – уральских языков.

⁶ Существует и другой вид синкретизма, названный в 1929 г. С.И. Карцевским *асимметричный дуализм* структуры знаков, при котором разные означаемые (грамматические значения), выполняющие несколько функций, представлены в одной форме [12, с.85-90], как, напр., латинский Abl. передающий функции Instr. и Loc. Разновидности синкретизма такого типа в самых разных его проявлениях посвящена монография М. Баермана, Л. Брауна и Г.Г. Корбета 2005 г. издания, подробно отрецензированная П.М. Аркадьевым в журнале «Вопросы языкознания» [13, с.123-129].

Синкретизм частей речи в русском и уральских языках

Частеречный синкретизм в уральских языках проявляется двояко. В самодийских языках и в мордовских имя может спрягаться в 1-2 лицах Sg-Pl (в самодийских языках и в Du) в настоящем времени, в чем, собственно говоря, и проявляется функционирование существительного в качестве предиката. В 3л. имя не получает глагольного окончания (в отличие от 1-2 лиц). Это явление, называемое в указанных языках вербальной репрезентацией (наряду с данным существуют и другие термины), наблюдается, напр., в селькупском (тазовско-туруханский северный диалект) и в эрзянском языке (в частности, в идиоме села Шокша).

Селькупский язык Mat qum~k 'я человек' (букв. 'я человек-аю', т.е. 'я человек есмь')

Tat qum~nty 'ты человек' (букв. 'ты человека-ешь')

Но: T&p qum-Ø 'он человек(ает)' (и т.д. в прошедшем времени Sg, Du, Pl.) [14, с. 188-190].

При адъективной (элевой) репрезентации существительных их формы входят в парадигму существительного, но синтаксически используются как определение. Так, сочетание qoqyt taryl' porqu не 'медведя шерстяная одежда' (букв.), а 'одежда из шерсти медведя'; pol' tol'čyl' mytyn 'мазь для деревянных лыж' (букв. 'деревянная лыжная мазь'). При некоторых глаголах существительное в адъективной форме выполняет функцию дополнения: Qomtäl' perysa ' (Он) деньги (букв. 'денежное') искал'; qorsal' ušak 'я теслом (букв. 'тесловым') работаю' и т.д. Иными словами, одна и та же форма на -l', свойственная и существительному, и прилагательному, функционирует как определение и дополнение.

Эрзянский язык (с.Шокша):

Mon Sokaws'aN er't'-an, ton Moskow ošin'-at, a son Kraut'a-Ø

'я житель(≈жительство) Сокаевский, ты – города (≈городишься) Москвы, он – Кураева'.

Min' miRh't'ava-tama: mon mird'-an, ton kozejk-at

'Мы супруги (букв.: Мы муж-жена < mir'd'e + ava): я муж, ты – жена' (букв. 'хозяйка').

В других самодийских и в мокшанском языках также существует частеречный синкретизм подобного типа. Интересно при этом отметить, что в рассматриваемой идиоме с. Шокша, как и в обоих мордовских языках, предикативные формы возможны не только от имен, но и от наречий, местоимений, числительных, что отмечали лингвисты еще в середине прошлого века. Напр.: эрз. *Петя тосо, мон тесан* «Петя там, я здесь (нахожусь)»; *мон тесэлинь* «я здесь был» [15, с.114-115]; *одат* «ты молодой (еси)»; *котоцят* «ты шестой»; *васолят* «ты далеко (еси)»; *ягань вакссат* «ты около моего друга (находишься)»; *мокш. Тя монан. Панчк!* «Это я. Открой!» и др. [16, с.169].

Предикативные формы, о которых идет речь, образуются (за редким исключением) от одушевленных существительных (наименования профессий, жителей, родственников, национальности субъектов и т.п.), составляющих своеобразный криптокласс в названных языках. (Подробнее о связи лексико-семантических классов слов с грамматическими категориями см. в работах Б.Л.Уорфа [17], О.О. Борискиной & А.А. Кретьова [18], А.И. Кузнецовой [19], Е.А. Цыпанова [20] и др.). При наличии сходства между русским и названными уральскими языками в самом существовании частеречного синкретизма, проявляющегося в использовании одной и той же части речи (грамматической формы имени) в функции сказуемого и подлежащего, можно указать и на их различие.

В русском языке, где имеется синкретизм существительного и прилагательного, эти части речи обычно в функции предиката выступают в именительном или творительном падежах (об их семантическом противопоставлении см. [Гиро-Вебер 21]) независимо от того, идет ли речь о 1-2-ом или 3-ем лицах существительного: я / ты / он студент. В нескольких уральских языках (см. выше) при частеречном синкретизме существительное и прилагательное функционируют как сказуемое без показателя только в 3 л., а в 1-2 оформляются глагольными показателями соответствующих чисел. Однако частеречный синкретизм присутствует и в других уральских языках, но форма проявления у него иная, точно так же, как втянутым в этот процесс оказывается иной круг частей речи.

В этом втором своем проявлении частеречный синкретизм встречается в большем количестве языков. В них наблюдается употребление одного и того же слова в разных синтаксических функциях без использования парадигм других частей речи, как это было в самодийских и мордовских языках. Так, в языке бесермян, коми и в марийском изменение синтаксической функции слова происходит только при изменении порядка слов. В результате изменения порядка слов в сочетании одно и то же слово может выступать то как подлежащее, то как сказуемое, определение или обстоятельство. Напр.:

бес. *amsor d'er'em* 'узкая рубаха' и *d'er'em amsor* 'рубаха узка'; *m'i našar uleškom* 'мы бедно живем' и *našar korka* 'бедный дом' [22]; **эрз.** Кудосонок палсь *валдо* 'В доме-нашем горел свет' и *Валдо* весь прядовсь 'Светлая ночь кончилась'.

⁷ В к.-з. часты оморфы сущ. или прил. в исходных формах и формы повелительного наклонения глагола: *потши* 'жердь' и 'загораживай!' (<потшны); *сыв* 'талый; жир' и 'расплавляй!' (<сывны); *тіль* вөр 'густой лес, чаща' и синто эн *тіль* 'глаза не три!' (ср. аналогичные случаи в русском языке; см. примечание 2).

Описанное своеобразие русского и некоторых уральских языков в области частеречного синкретизма заставляет задуматься о том, как разумнее подавать материал не только в толковых одноязычных, но и в двуязычных словарях. В толковых словарях уральских языков, входящих в состав России, принято (хотя последовательно это не соблюдается) при толковании на русском языке давать все синкретичные формы в одной словарной статье. В СРЯ XI-XVII вв. следуют тем же правилам подачи материала. Вместе с тем в ССРЛЯ наречия, глаголы даются от имен изолированно, а подача существительных и прилагательных не унифицирована: в одних случаях в пределах этих статей ставится помета «в знач. прил.» (или сущ. соответственно), в других синкретичное слово выносится в самостоятельную словарную статью. Такая же непоследовательность наблюдается и с частицами, союзами, вводными словами, междометиями. Очевидно, что, если учитывать наличие гибридных форм у существительных, прилагательных и других частей речи, то такая подача могла бы быть оправдана, но для этого надо проделать огромную предварительную работу, обнаруживая гибридные формы всех частей речи. Когда же тот же вопрос касается двуязычных (переводных) словарей, то сложности усугубляются, и вопрос остается открытым.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря. – М., 1995.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947. 784с.
3. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). – М., 1960. 262 с.
4. Баудер А.А. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. – Таллин, 1982. 184с.
5. Бабайцева В.В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка // Русский язык в школе. – М, 1971, №3, с.81-84.
6. Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка. // Филологические науки. – 1983, №5, с.35-42.
7. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т.1-17. – М., 1947-1965.
8. СРЯ XI-XVII в. – Словарь русского языка XI-XVII веков. – М., 1978-
9. Новохатко О.В. Разряд в 185 году. – М., 2007. 640 с.
10. Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977 (1927), с.270-281.
11. Янович Е.И. Историческая грамматика русского языка. – Минск, 1986. 320с.
12. Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.II. – М., 1965, с.85-90.
13. Аркадьев П.М. (рец. на книгу: M.Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism. Cambridge, 2005) // ВЯ, 2006, №5, с.123-129.
14. Очерки – Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т I. – М., 1980.
15. Колядёнков М.Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч.II. Синтаксис. – Саранск, 1954. 327с.
16. Цыпайкина В. Об особых средствах выражения темпоральных отношений в мордовских языках // FU X. Pars II. Linguistica. – Jshkar-Ola, 2005, p.169.
17. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972, с.44-60.
18. Борискина О.О., Кретов А.А. Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптоклассов. – Воронеж, 2003. 211с.
19. Кузнецова А.И. Категория вербальной репрезентации в уральских языках // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской. – М., 2007, с.120-126.
20. Цыпанов Е.А. Особенности обозначений понятий молодой – старый в финно-угорских языках // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской. – М., 2007, с.247-252.
21. Гиро-Вебер М. Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: возможно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs. Тв.»? // ВЯ, №1, 2007, с.18-26.
22. ПМА – Полевые материалы автора